

УДК 343.13
ББК 67.410.2

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНУЖДЕНИЯ, КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А. Ю. Сафронов

Змеиногорский городской суд Алтайского края (Змеиногорск, Россия)

Рассматриваются теоретические и практические проблемы принуждения как меры обеспечения при производстве по уголовным делам: задержания, мер пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения. На примере судебной практики, практических ситуаций и научных публикаций (как российских учёных, так и иностранных авторов из Таджикистана, Узбекистана и Казахстана) выявляются практические сложности и законодательное несовершенство рассматриваемых вопросов. Предлагается: 1) увеличить слишком короткий срок задержания; 2) при избрании соответствующих мер пресечения (заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определённых действий) освободить суд от обязанности решения вопросов (установления) причастности к совершению преступления, обоснованности подозрения; на законодательном уровне приравнять нарушение обязательства о явке к нарушению меры пресечения; 3) верхний порог денежного взыскания, предусмотренного ст. 117 УПК РФ, увеличить до 25 000 руб.; 4) размер залога определять индивидуально в каждом конкретном случае исходя из имущественного положения подозреваемого (обвиняемого), с учётом общего (единого) нижнего (минимального) порога для всех категорий преступлений — не менее 50 000 рублей; 5) на законодательном уровне закрепить факт неполучения корреспонденции как основания для принудительного привода; 6) уделять больше внимания цифровизации и цифровым аспектам уголовного процесса, в частности, использованию соответствующих баз данных, системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая предоставляет обширные возможности, как по установлению принадлежности имущества, так и по его реализации (сокрытию).

Ключевые слова: обеспечение уголовного процесса; уголовно-процессуальное принуждение; меры пресечения; задержание, иные меры принуждения; залог; система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

PRACTICAL PROBLEMS OF COERCION AS SECURITY MEASURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A. Yu. Safronov

Zmeinogorsk City Court of the Altai Territory, Zmeinogorsk city, Russia

Theoretical and practical problems of coercion are considered as security measures in criminal proceedings: detention, preventive measures and other measures of criminal procedural coercion. Using the example of judicial practice, practical situations and scientific publications (both Russian scientists and foreign authors of such Republics as Tajikistan, Uzbekistan and Kazakhstan — foreign scientific publications), practical difficulties and legislative imperfections of the issues under consideration are revealed. It is proposed: 1) to increase the period of detention too short; 2) when choosing appropriate preventive measures (detention, house arrest, prohibition of certain actions), release the court from the obligation to resolve issues (establish) involvement in the commission of a crime, the validity of suspicion; 3) at the legislative level, equate the violation of the obligation to appear to the violation of a preventive measure; 4) the upper threshold of monetary punishment provided for in Article 117 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be increased to 25,000 rubles; 5) the amount of bail should be determined individually in each specific case, based on the property status of the suspect (accused), taking into account the general (unified) lower (minimum) threshold for all categories of crimes — at least 50,000

rubles; 6) at the legislative level, to fix the fact of non-receipt of correspondence as grounds for compulsory drive; pay more attention to digitalization and digital aspects of the criminal process, in particular, the use of appropriate databases, the system of interdepartmental electronic interaction (SIEI), which provides extensive opportunities both to establish the ownership of property and to implement it (concealment).

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.14)

Производство по уголовным делам связано с существенным ограничением основных прав и свобод человека и гражданина, защищаемых как Конституцией России, так и федеральными законами, в том числе — конституционными.

В каждом деле имеет место противопоставление желания одной стороны (избежать либо максимально минимизировать) уголовно-правовые последствия за содеянное, а с другой — государственной обязанности, в том числе — связанной с назначением уголовного судопроизводства, в том числе — предусмотренной ст. 6 УПК РФ (защита прав, защита от необоснованного преследования, ограждение от наказания невиновных и т. п.).

Рассматриваемое противопоставление, как правило, порождает конфликты различного генеза и степени проблемности, влияющие на ход производства по уголовному делу, а зачастую на его результаты.

Для устранения подобных конфликтов и их последствий требуется отлаженная, стройная и самое главное — эффективная система мер принуждения. И такая система содержится в разделе IV УПК РФ, но она не обладает достаточной степенью совершенства, позволяющей в полной и достаточной мере устранить обозначенные выше конфликты.

Проблемам принуждения в уголовном процессе в последнее время уделяется немало серьёзных научных исследований [1, с. 171–173], в том числе — на уровне диссертаций на соискание учёной степени доктора юридических наук [2].

Вопросы обеспечения рассматриваются также при описании проблем состоятельности процесса [3, с. 301–308], личной неприкосновенности (в том числе — в зарубежных странах) [4, с. 90–92], безопасности свидетелей [5, с. 115–117], презумпции невиновности [6, с. 11–14], при оказании содействия на конфиденциальной основе [7, с. 149–155], использования электронных документов и защищённости информации [8, с. 97–102], наложения ареста, конфискации имущества и др. [9, с. 32–43; 10, с. 1231–1235].

На примере различных мер разберём практические проблемные вопросы их обеспечения в уголовном судопроизводстве.

Процессуальные меры защиты очень важны в современных реалиях применения мер процессуального принуждения, о чём уже давно выходят научные публикации [11, с. 273–278].

Начать необходимо с задержания, которому в научной литературе уделяется немало внимания [12, с. 94–104], в том числе в публикациях зарубежных авторов [13, с. 82–90].

Так, задержание подозреваемого, предусмотренное главой 12 УПК РФ, имеет слишком короткий (с практической точки зрения) срок — 48 часов, который может быть продлён судом при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу до 72 часов (на основании п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ), однако не обеспечивает достаточного времени для надлежащей реализации его целей, в частности, для решения вопроса об избрании соответствующей меры пресечения.

В итоге, орган расследования, вместо того, чтобы надлежащим образом установить наличие либо отсутствие оснований для избрания указанной меры пресечения, вынужден спешно, а иногда практически «судорожно» собирать и копировать материалы для прокурора и суда, чтобы выйти с соответствующим ходатайством перед последним (об избрании меры пресечения). Следователь либо дознаватель указанные 48, а в редких случаях — 72 часа (если разрешит суд), вместо установления значимых обстоятельств занимается разработкой и копированием процессуальных и иных сопутствующих документов, никак не связанных с прояснением того, стоит ли вообще избирать подозреваемому (обвиняемому) какую-либо меру пресечения, учитывая также, что само юридическое оформление задержания после его фактической составляющей (фактического задержания) также занимает значительное количество времени (личный обыск, составление протокола задержания, допрос, уведомление о задержании и т. п.).

Учитывая изложенное, предлагается увеличить указанный срок задержания, предусмотренный законом, как минимум вдвое, что позволит более эффективно использовать указанную меру. Данные предложения в последнее время уже встречаются в научных публикациях [14, с. 499–501]. Указанные вопросы особенно актуальны на практике в условиях военного времени (положения) [15, с. 14–19], а также всё возрастающего уровня экстремизма и терроризма [16, с. 60–66].

Кроме того, озабоченность вызывает новое положение, предусмотренное ч. 3 ст. 91 УПК РФ, не позволяющее применять задержание по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, за исключением определённых случаев (составов преступлений), предусмотренных указанной нормой.

Таким образом, получается, что лицо, совершившее преступление (в том числе тяжкое или даже особо тяжкое), не может быть задержано даже на короткий срок для установления всех значимых обстоятельств, пусть и за пределами обозначенных сроков давности, что существенно может нарушить права и законные интересы граждан, в том числе — потерпевших от преступлений, имеющих право знать, кто их совершил (пусть даже лицо, совершившее преступление, и не понесёт уголовной ответственности ввиду истечения данных сроков).

Учитывая, что прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования по обозначенному основанию (истечение сроков давности) не является реабилитирующим, т. е. лицо, в отношении которого уголовное дело прекращается по данному основанию, фактически может понести негативные последствия, связанные с этим, в том числе, с его трудоустройством и даже самим фактом не реабилитирующего (т. е. не оправдывающего) прекращения.

Как правило, следующие после задержания меры, предусмотренные главой 13 УПК РФ, а именно — меры пресечения, также вызывают много вопросов и создают проблемные ситуации как в теории, так и на практике, в том числе — при разграничении понятий «избрание» и «применение» меры пресечения [17, с. 213–217]. Стоит отметить, что такие проблемы возникают и в зарубежных странах, в том числе применение такой меры, как «передача под присмотр» в Республике Армения, что отражено в иностранных публикациях [18, с. 114–122]. Аналогичные вопросы рассматриваются и в Республике Таджикистан (касаемо судебного процесса) [19, с. 130–134].

В российских публикациях также освещаются различные проблемные вопросы применения данных мер, в частности — прав обвиняемого при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [20, с. 52–55] и других мер пресечения [21, с. 247–250].

Статьи 97–110 УПК РФ, предусматривающие такую разновидность мер процессуального принуждения, как меры пресечения (их исчерпывающий перечень), основания для их избрания, продления сроков, изменения и отмены, в полной мере не обеспечивают реализацию задач, ради которых они (данные меры) предусмотрены, ввиду недостаточно детальной нормативной регламентации механизма их реализации, условий применения, изменения и отмены.

Проблемные вопросы при реализации наиболее суровой меры пресечения — в виде заключение под стражу возникают как в досудебной, так и на судебной стадии, в том числе при заявлении соответствующего ходатайства и его обоснования в суде [22, с. 96–99].

Разъяснениями, изложенными в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», судам, прямо предписано (в категоричной форме) устанавливать при решении соответствующего вопроса (при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу), обоснованность не только подозрения, но и причастности к уголовно-наказуемому деянию, а также ряд существенных обстоятельств (объективной стороны), следов преступления (следовой картины). Причём предписано не формально подходить к данному вопросу, а действительно разбираться и достоверно устанавливать указанные обстоятельства, мотивировать своё решение в целях соблюдения части 4 статьи 7 УПК РФ. В то же время в 4-м абзаце указанного пункта Постановления Пленума Верховного Суда РФ, указывается на прямой запрет установления судом вины. Следовательно, в одном и том же пункте обозначенных разъяснений (в разных его абзацах) рекомендуются чуть-ли не прямо противоположные действия (с одной стороны, устанавливать факт наличия преступления, учитывать категорию, иные значимые обстоятельства, самое главное — причастность к его совершению, но без установления виновности — с другой). Это крайне затруднительно, так как при установлении всей совокупно-

сти перечисленных выше (обязательных для установления) обстоятельств, виновность следует из неё практически всегда автоматически. Иное трудно себе представить, учитывая также, что причастность может быть истолкована как соучастие.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие в силу закона обязательному учёту при избрании той или иной меры пресечения, предусмотренные ст. 99 УПК РФ (сам факт преступления, категория его тяжести, причастность к совершению, и т. п.), неизбежно подталкивают суд (в случае если та или иная мера избирается судом), к установлению не только наличия самого факта совершения преступления, но и его точной квалификации, категорирования (по степени тяжести), не говоря уже о причастности (по сути чуть-ли не виновности в его совершении, так как неясно, чем для решения обозначенных вопросов причастность существенно отличается от виновности и (или) соучастия и определения иных данных о личности, что недопустимо (для суда) не только на досудебной стадии расследования, но и даже на стадии судебного следствия (до принятия итогового судебного решения по делу, будь то приговор либо постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)).

Таким образом, буквально соблюдая закон (УПК РФ) и указанные выше рекомендации Постановления Пленума Верховного Суда РФ, суд неизбежно входит в вопросы доказывания тех обстоятельств, которые он (суд) вправе устанавливать и оценивать только в совещательной комнате при вынесении итогового решения по делу. Это приводит к частым отводам (самоотводам) судей, отмене итоговых судебных решений по делу и, как следствие, нарушению разумных сроков, предусмотренных ст. 6.1 УПК РФ. К примеру, это имело место по уголовным делам, находившимся в производстве судьи Змеиногорского городского суда Алтайского края К. (№ 1–72/2022, 1–78/2022, 1–23/2023, 1–51/2023, 1–53/2023 и 1–62/2023).

Учитывая изложенное, предлагается на законодательном уровне освободить суд от обязанности решения обозначенных вопросов при рассмотрении соответствующих ходатайств о мере пресечения, ограничившись только лишь решением вопросов о наличии оснований (в узком смысле) для избрания меры пресечения, либо вообще вернуть компетенцию по разрешению вопросов санкционирования мер пресечения надзирающему прокурору (на досудебной стадии расследования уголовного дела).

Существуют и иные практические проблемы мер пресечения, в том числе при решении вопроса о выборе той или иной меры и оснований указанного выбора, что также отражено в различных научных публикациях [23, с. 163–169], в которых в последнее время всё чаще освещаются также и иные практические проблемы различных мер пресечения, в частности, такой меры пресечения, как залог [24, с. 89–93], что следует признать обоснованным.

В частности, размер залога, предусмотренный ч. 3 ст. 106 УПК РФ, зачастую слишком велик для малоимущих граждан. К примеру, лицо, совершившее квартирную кражу, т. е. тяжкое преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Если исходить из приведённой нормы закона, то чтобы иметь возможность её применения к подозреваемому, данное лицо должно внести не менее 500 000 руб. Учитывая данные обстоятельства и имущественное положение большей части преступников, совершивших квартирную кражу, применение указанной меры попросту невозможно.

Учитывая изложенное, предлагается размер залога определять индивидуально в каждом конкретном случае, исходя из имущественного положения подозреваемого (обвиняемого), с установлением общего (единого) нижнего (минимального) порога для всех категорий преступлений — не менее 50 000 рублей.

Иные меры процессуального принуждения, предусмотренные главой 14 УПК РФ, также вызывают ряд системных вопросов, что отражено в самых последних публикациях [25, с. 120–127], в том числе — по порядку их применения [26, с. 304–308], в том числе — в зарубежных странах, к примеру, в Республике Казахстан [27, с. 142–149].

Так, неясны последствия нарушения обязательства о явке, предусмотренного ст. 112 УПК РФ, так как явка не является мерой пресечения. Вообще неясен механизм её реализации, так он (механизм), по сути, реализован (обеспечен) только «честным словом» лица, к которому применяется данная мера.

Для решения указанного вопроса предлагается на законодательном уровне приравнять нарушение обязательства о явке к нарушению меры пресечения.

Неясно также каким образом необходимо устанавливать факт неявки без уважительных причин для целей применения принудительного привода, предусмотренного ст. 113 УПК РФ. К примеру, не-

ясно возможно ли применение указанной меры при том, что лицо не получило судебную корреспонденцию, направленную ему в целях вызова, с соблюдением соответствующих правил направления указанной корреспонденции.

Предлагается для указанных целей на законодательном уровне, к примеру, в ст. 113 УПК РФ, предусмотреть возможность применения обозначенной меры при неполучении указанной почтовой корреспонденции, направленной лицу в целях его вызова, но при условии соблюдения соответствующих правил направления этой корреспонденции, т. е. если корреспонденция направлена по адресу места жительства (регистрации) и находилась в почтовом отделении (при её неполучении) предусмотренное законом количество дней.

Наложение ареста на имущество и порядок продления срока применения данной меры, предусмотренные статьями 115–116 УПК РФ, также вызывают много вопросов, в том числе — в части установления принадлежности (в том числе фактического) имущества тому или иному лицу.

Для решения указанных проблемы предлагается активно использовать систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая предоставляет обширные возможности как по установлению принадлежности имущества, так и по его реализации (сокрытию).

Верхний порог денежного взыскания, предусмотренного ст. 117 УПК РФ, как иной меры процессуального принуждения, в размере до 2500 руб., не отвечает принципу соразмерности (учитывая также возможность рассрочки указанной суммы, предусмотренной ч. 5 ст. 118 УПК РФ), так как штрафная санкция за нарушение уголовно-процессуального порядка должна иметь гораздо более высокий порог для взыскания. Учитывая изложенное, предлагается увеличить данный порог не менее чем в 10 раз, т. е. до 25 000 руб.

Говоря же в целом о вопросах обеспечения уголовного процесса, очевидно, как уже отмечалось ранее, что больше внимания необходимо уделять использованию информационных технологий [28, с. 105–118], совершенствованию исполнения приговора [29, с. 149–151], в том числе его конфискационным аспектам [30, с. 120–122] и по высокотехнологичным преступлениям [31, с. 68–71].

Таким образом, учитывая все изложенные выше обстоятельства, предлагаем:

- 1) увеличить слишком короткий срок задержания, предусмотренный законом (в порядке статьями 91–92 УПК РФ);
- 2) при избрании соответствующих мер пресечения (заключение под стражу, домашний арест, запрет определённых действий) на законодательном уровне освободить суд от обязанности решения вопросов (установления) причастности к совершению преступления, обоснованности подозрения и т. п., ограничившись только лишь решением вопросов о наличии оснований (в узком смысле) для избрания той или иной меры пресечения, либо вообще вернуть компетенцию по разрешению вопросов санкционирования мер пресечения надзирающему прокурору (на досудебной стадии расследования уголовного дела);
- 3) верхний порог денежного взыскания, предусмотренного ст. 117 УПК РФ, как иной меры процессуального принуждения, учитывая также возможность рассрочки указанной суммы, предусмотренной ч. 5 ст. 118 УПК РФ, увеличить не менее чем в 10 раз, т. е. до 25 000 руб.;
- 4) размер залога определять индивидуально в каждом конкретном случае исходя из имущественного положения подозреваемого (обвиняемого), с учётом общего (единого) нижнего (минимального) порога для всех категорий преступлений — не менее 50 000 рублей;
- 5) на законодательном уровне приравнять нарушение обязательства о явке к нарушению меры пресечения;
- 6) на законодательном уровне, к примеру, в ст. 113 УПК РФ, предусмотреть возможность применения обозначенной меры при неполучении указанной почтовой корреспонденции, направленной лицу в целях его вызова, но при условии соблюдения соответствующих правил направления этой корреспонденции, т. е. если корреспонденция направлена по адресу места жительства (регистрации) и находилась в почтовом отделении (при её неполучении) предусмотренное законом количество дней;
- 7) уделять больше внимания цифровизации и цифровым аспектам уголовного процесса, в частности, использованию соответствующих баз данных, системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая предоставляет обширные возможности как по установлению принадлежности имущества, так и по его реализации (сокрытию).

Реализация предложенных нововведений позволит сделать обеспечение уголовного процесса более качественным, эффективным, оперативным не только в части мер процессуального принуждения, но и в целом — в достижении целей уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маслова Т. Н. Актуальность активности воздействия прокурора на процесс обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели: в 4 ч. Москва, 21–24 ноября 2023 года. М. : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 171–173.
2. Петухов Е. Н. Механизм обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2024. 528 с. EDN PIEDDH.
3. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В., Ожегова Г. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 301–308. EDN PIEDDH.
4. Шекеев Б. А. Проблемы обеспечения личной неприкосновенности в уголовном процессе Республики Казахстан // Наука и образование XXI века : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 мая 2014 г. Т. 2. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 90–92. EDN SZHSHJ.
5. Гаранина К. А. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции: в 4 ч. Пенза, 15 ноября 2017 г. Ч. 3. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. С. 115–117. EDN ZUAANV.
6. Мезяев А. Б. Обеспечение принципа презумпции невиновности в современном международном уголовном процессе // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 3. С. 11–14. EDN NYJHPL.
7. Тукало А. Н., Петлицкий С. В. Проблемы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, участвующих в уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей. Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2016. С. 149–155. EDN XNXALR.
8. Сафронов А. Ю. Обеспечение использования электронных документов и защищённости электронной информации в уголовном судопроизводстве (анализ статьи 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 97–102. EDN PWTZJO.
9. Сафронов А. Ю. Наложение ареста на транспортное средство в целях его конфискации как мера обеспечения уголовного судопроизводства России // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 9 (202). С. 32–43. DOI 10.17803/1729–5920.2023.202.9.032–043. EDN HVGUPN.
10. Мельникова Е. Ф. Роль полиции в обеспечении безопасности участников уголовного процесса // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2018. С. 1231–1235. EDN VMBYIB.
11. Дюк К. И. Процессуальные меры защиты в системе мер процессуального принуждения // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4 (12). С. 273–278. EDN NDBFQD.
12. Мельников В. Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2 (259). С. 94–104. EDN JYJKEX.
13. Сәрсенбаев А. С. Күдіктіні ұстаудың кейбір мәселелері процестік мәжбүрлеудің негізгі шарасы ретінде / А. С. Сәрсенбаев // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 4. Р. 82–90. EDN IQVWWZ.
14. Узгорская И. А. К вопросу об увеличении срока задержания подозреваемого // Теория и практика расследования преступлений: материалы IX Международной научно-практической конферен-

ции, Краснодар, 15 апреля 2021 го. /редкол.: Э. С. Данильян [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2021. С. 499–501. EDN WBLTWM.

15. Орлова А. А. Соблюдение сроков задержания подозреваемого в условиях военного положения // *Мировой судья*. 2024. № 6. С. 14–19. DOI 10.18572/2072-4152-2024-6-14-19. EDN BITGAN.

16. Дармаева В. Д., Новиков А. М. Уголовно-процессуальные меры принуждения в условиях возросшего уровня экстремизма и терроризма // *Актуальные вопросы профилактики и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: материалы Международной научно-практической конференции*, 9 ноября 2023 г. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 60–66. EDN YVIXFI.

17. Мартынова Н. А., Ермакова А. Л. К вопросу о соотношении терминов «избрание меры пресечения» и «применение меры пресечения» в юридической практике // *Закон и право*. 2024. № 1. С. 213–217. DOI 10.24412/2073-3313-2024-1-213-217. EDN AAEWDQ.

18. Оганнисян С. А., Петросян А. Р. О некоторых проблемах применения на практике меры пресечения как передача под присмотр // *Пятнадцатая годовичная научная конференция = ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Ա., ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ Շ. ԳՈՐԾՆԱԿԱՆՈՒՄ ՀՍԿՈՂՈՒԹՅԱՆ ՀԱՆՁՆԵԼՈՒ ԽԱՓԱՆՄԱՆ ՄԻՋՈՑԻ ԿԻՐԱՌՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ՀԻՄՆԱԻՆԴԻՐՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ / ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Ա., ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ Շ. // Հայ-Ռուսական համալսարան. — ՏԱՍՆՀԻՆԳԵՐՈՐԴ ՏԱՐԵԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ. 6–10 դեկտեմբեր 2021 թ.:* Российско-Армянский (Славянский) университет. Ереван, 2022. С. 114–122. EDN VFCHNZ.

19. Кобилов Б. К. Некоторые проблемы применения мер пресечения в судебном заседании // *Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики*. 2020. No. 4 (36). С. 130–134. = Қобилов Б. Қ. Баъзе масъалаҳои татбиқи чораи пешгири аз њониби суд њангоми баррасии парванда // *Маҷаллаи академии ҳуқуқ*. 2020. No. 4 (36). P. 130–134. EDN VCITMA.

20. Оруджов Н. О. Проблемы обеспечения прав обвиняемого при избрании меры пресечения // *Молодой ученый*. 2018. № 41 (227). С. 52–55. EDN VJXEJV.

21. Цоколова О. И. Современные проблемы и тенденции применения мер пресечения (печатается в сокращенном варианте) // *Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования*. 2019. Т. 2, № 1 (1). С. 247–250. EDN BXKRKG.

22. Дмитриева Д. А. Проблема заявления и обоснования ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // *Инновационная наука*. 2023. № 11–1. С. 96–99. EDN KISPUO.

23. Химичева О. В., Тутынин И. Б. Избрание меры пресечения: о проблеме оснований для ее правильного выбора // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2024. № 1 (68). С. 163–169. DOI 10.25724/VAMVD. A228. EDN ZESSIS.

24. Евдокимова В. А. Проблема определения размера залога как меры уголовно-процессуально пресечения // *ПРОМЕТЕЙ: научный альманах Студенческого научного общества Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России): сборник научных трудов*, Сочи, 2023 г. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 89–93. EDN JUNYWN.

25. Rossinskiy S. B. System of criminal measures procedural coercion: WHAT signs indicate for its existence? // *State and Law*. 2024. No. 6. P. 120–127. DOI 10.31857/S1026945224060107. EDN WWEFAY.

26. Васильева А. А. Временное отстранение от должности как иная мера процессуального принуждения и проблемы ее применения // *Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов 56-й Международной научно-практической конференции*, Белгород, 27 марта 2023 г. Белгород: ООО ГиК, 2023. P. 304–308. EDN SFHIWP.

27. Sharipova A. B., Aidarov R. A. Prevention measures in the system of procedure forced measures // *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*. 2019. Vol. 89, No. 1. P. 142–149. EDN GIJGCO.

28. Сафронов А. Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75, № 3 (184). С. 105–118. DOI 10.17803/1729-5920.2022.184.3.105-118. EDN JXAPFV.

29. Сафронов А. Ю. О совершенствовании исполнения приговора // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 12 (216). С. 149–151. DOI 10.47643/1815-1329_2022_12_149. EDN XJZSDH.

30. Сафронов А. Ю. К вопросу о конфискационном аспекте исполнения приговора // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2022. № 2 (43). С. 120–122. EDN PGGJBK.

31. Сафронов А. Ю. Проблемы исполнения приговора по высокотехнологичным преступлениям // *Проблемы правовой и технической защиты информации*. 2022. № 10. С. 68–71. EDN AFGERS.